

Из Дерпта в Америку. Эстонская семья Крускал в США.

Из статьи Ричарда Д.Брауна «Две балтийские семьи, приехавшие в Америку. Якобсоны и Крускалы. 1870-1970».

(THE AMERICAN JEWISH ARCHIVE JOURNAL. Vol. 24, No. 1 (1972))

с некоторыми дополнениями.

Перевод с английского Инны Теплицкой.

Крускалы (1870-1891)

Некоторые браки, как говорят, совершаются на небесах, но брак в марте 1879 г. между Мозесом Давидом Крускалом (1850-1892) и Розой Яффе (1862-1924) состоялся в Дерпте (в настоящее время Тарту), в Эстонии. Мозесу Давиду было 29 лет, Розе - только недавно исполнилось 17. Ее отец, рабби Дов Бэр Яффе и старшие братья, рабби Иошуа Хешель и купец Абрахам Давид, находились в тяжелом экономическом положении, поэтому они решили, что не могут себе позволить упустить возможность брака Розы и Мозеса, состоятельного тартуского торговца постельным и столовым бельем. Тот факт, что Роза была влюблена в молодого человека из городка, где она родилась, Шадена, не должен был стать помехой для предстоящего брака с Мозесом.

Абрахам Давид Яффе недавно сам женился на младшей сестре Мозеса Давида, Етте, и ему нравилась не только семья жены, но и их богатство. Роза была молода, привлекательна, но упряма, однако ожидалось, что с годами она преодолет этот недостаток. Мозес Давид был очень сильно в нее влюблен и, учитывая его твердость и «взрослость», а также привязанность и нежность, все были уверены, что она научится любить его. Роза, не ладившая с мачехой, не была готова к сопротивлению желаниям отца и братьев, и согласилась выйти замуж за Мозеса Давида Крускала¹.

Хотя социальное положение двух семей было в общем сопоставимо, Роза чувствовала, что выходит замуж за человека более низкого общественного ранга. Семейство Яффе происходило от известной семьи раввинов и толкователей Торы, их предком был великий Мордехай Яффе (1530-1612), в

---

¹ Этот параграф основан на воспоминаниях Мириам Якобсон Крускал (МЯК) и следующих письмах 1879 г.: Дов Бер Яффе к рабби Джошуа Яффе (в Дерпт 3 адара, год не указан, возможно 1879); Абрама Давида Яффе Крускала (в Шаден, 20 марта); Доры Яффе к Розе Яффе Крускал (в Шаден, 20 марта). Копии этих писем находятся у профессора Вильяма Х.Крускала, факультет статистики, университет г. Чикаго.

годы Ренессанса он изучал философию, астрономию и математику в Праге и Венеции и был назначен главным раввином в Познани и Гродно. В 1590 г. в Люблине Мордехай Яффе опубликовал свой труд «*Лебушим*» - важный свод законов для раввинов, где сделан был акцент на логику, выражено ясное отрицательное отношение к ростовщичеству, дано научное объяснение календаря, помещено много таблиц и иллюстраций. Сам Мордехай Яффе, говорят, происходил от великого толкователя Библии XI в. Раши из Трои (1040-1105)². Так, по крайней мере, в своей генеалогии Яффе затмили Крускалов. И теперь двое из семьи Яффе были раввинами – наиболее уважаемая среди евреев профессия.³

Мозес Давид Крускал. Дорпат, примерно 1879

---

² Информация о генеалогии семьи Яффе (включая отца Розы Давида Бер Яффе), и о Мордехея Яффе содержится в JE (Jewish Encyclopedia), VII, 53-63.

³ Важно, что в 1879 г. Дов Бер Яффе послал своему сыну личное письмо, написанное на иврите, хотя идиш был более распространен. Поэтому можно предположить, что Яффе были членами движения Хаскала (Просвещение) в 19 веке и были скорее прогрессивными, чем ортодоксальными в своей культурной ориентации. См. Rischin, Promised City, pp. 38-42, об *Хаскале* и ее значении.

Роза Крускал (Яффе). Дорпат, примерно 1879

С другой стороны, Мозес Давид Крускал происходил не из столь знаменитой, но уважаемой семьи. Его отец, Исаак Крускал (рожденный Клюббер-Крускал), житель Креттингена (в настоящее время Кретинга), маленького городка, где было меньше 2 тыс. жителей, расположенного около Балтийского моря, переехал в 1840 г. из черты оседлости на север, в Дерпт.⁴ Позднее он женился на своей племяннице или двоюродной сестре Хинде Крускал. Мозес Давид был их старшим сыном. Он вырос в Дерпте в уютном идиш-говорящем доме, и после женитьбы был в состоянии создать такие же условия жизни для своей семьи⁵. Может быть, Розе Яффе не хватало романтики, но зато у нее были другие вознаграждения.

---

⁴ Корни фамилии «Крускал» точно не установлены. Возможно, она происходит от названия местечка Крускалне в Латвии, в 9 милях от Загапе (US Boards on Geographic Names, *Official Standard Names, Gazetteer #42, 2-nd ed.*, USSR, III (Washington, DC, 1970, 710). Согласно семейной легенде, их фамилия прежде была Михельсон, но ее сменили, чтобы избежать административного установления еврейства по фамилии.

⁵ Эти выводы сделаны из сохранившихся писем Мозеса Давида Крускала о стиле жизни в Дерпте, а также по нескольким сохранившимся предметам, сделанным из серебра в середине 19 в. В России с инициалами Хинде Крускал, его матери. МДК родился с деформированной ногой и хромотой. Это могло случиться потому, что его родители состояли в родстве.

Вскоре в доме появилось много детей. Через год после свадьбы в 1880 г. Роза подарила мужу первого сына. Его назвали в честь отца Мозеса Давида Исааком. Через год родился второй сын Аарон Герман, в 1883 и 1885 гг. появились на свет еще два сына – Вильям и Джозеф Бернард. В течение 6 лет Роза родила четырех сыновей, и в 1888 г. увидел свет пятый сын – Евгений. Это было замечательно. С таким количеством сыновей Мозес Давид был в состоянии основать целую династию, а Розе было всего 26 лет.

Было время, когда это казалось реальной возможностью. В 1870-1880-х годах Дерпт стремительно развивался. Население резко увеличилось с 10.000, когда приехал отец Мозеса Давида, до 35.000 в 1890 г. Мозес Давид был предприимчивым и удачливым торговцем, имевшим дело в основном с не-евреями, так как население состояло на 96% из лютеран. В основном эстонцы, затем немцы, русские и шведы, и только немного евреев⁶. В 1880 г. его дети учились у немецких преподавателей в школах Дерпта, и если бы направленность на ассимиляцию прошлого поколения продолжалась, его сыновья, очевидно, остались бы в Дерпте в третьем поколении. Но и в Дерпте на них давила такая же политика по отношению к евреям, как и во всей Российской империи. Даже до изгнания состоятельных евреев из Москвы, С.-Петербурга и Киева в 1891 г., было очевидно, что Мозес Давид Крускал стремится найти более дружественное окружение для воспитания своих детей. Жизнь в Дерпте все еще была хорошей, на лето семья снимала дачу на озере Пейпус, где мальчики восхищались рыбаками, ловившими рыбу гарпунами, но Мозес Давид думал о будущем. Если бы ему удалось ликвидировать свое дело в Дерпте и привезти свой капитал в Нью-Йорк, он смог бы обеспечить надежное существование для своей любимой Розы и детей (теперь, после рождения Деборы в 1890 г. их стало 6). Ему было больше 40 лет, он уже был не молод. Конечно, трудно будет покинуть родину и дачу, но благополучие детей важнее. Так, в 1890 или 1891 г. Мозес и его младший брат Николас Крускал, по специальности фармацевт, а также их зять Абрахам Давид Яффе решили вместе уехать в Нью-Йорк. Они отправились в путь из Эстонии летом 1891 г. и прибыли в Нью-Йорк 15 сентября⁷. Абрахам Давид Яффе взял семью с собой, а Мозес

---

⁶ Encyclopedia Britannica (11th ed., Cambridge, England, 1910: статьи о Курляндии, Эстонии, Литве.

⁷ МЛК, Письма и воспоминания, информация предоставлена Исааком Яффе (род. в 1882), сыном Абрама Давида Яффе и племянником Розы Яффе Крускал. Мозес Давид не был первым Крускалом, эмигрировавшим в Америку. Его двоюродный брат Мордехай Моше Крускал (1847–1911), старший сын старшего брата Хинде Крускал – Вольф Крускал поселился в Цинциннати, Огайо примерно в 1880 г. после того, как в 1876 – 1880 гг. искал счастья в Южной Африке. Поскольку Мозес Давид рос в Дерпте, а его двоюродный брат – в Литве (возможно, в Плунгиане) и поскольку Мозес Давид приехал в Нью-Йорк, а не в Цинциннати, есть основания предположить, что кузены не были в контакте. Впоследствии, однако, контакты между ними были частыми, включая редкие визиты в оба города. Вся информация об этой ветви семьи Крускал изложена в серии писем от Ревы Зусман Ольч из Дейтона, Огайо, к автору в течение февраля-апреля 1971 г. Мать Р.Ольч Гайл Гертруда (Гелла Гита) (1882–1970) была дочерью Мордехая Моше Крускала.

Давид оставил Розу и детей в Дерпте, планируя привезти их позже в купленный в Нью-Йорке дом.

Нью-Йорк в 1890-х гг.

Город, в который прибыли Якобсоны и Крускалы в начале 90-х гг., представлял собой бурлящее сборище разрозненных предпринимательств, общин и этнических групп. 20 лет назад, с помощью, в основном, газеты «Нью-Йорк таймс» и некоторых убежденных реформаторов, Босс Твид и его шайка были отстранены от дел, но, условия, порожденные Твидом, продолжали доминировать в нью-йоркской общественной жизни. Разделенные этнически и экономически и живущие в разных местах, нью-йоркцы редко беспокоились об «общем благе», вместо этого они думали о сиюминутных локальных интересах и голосовали за них. Именно так поступили нью-йоркские ирландцы вместе с немцами и некоторыми янки с севера штата и других штатов. Совместными силами они изобрели машину Таммани, механизм, который обеспечивал стабильное, предсказуемое правительство (и общественные организации), а также зачатки социальной защиты с середины 1800-х гг. до появления мэра Фиорелло Х Ла Гардия в 1930-х гг.⁸

Статистические данные о населении за период с 1870 до 1900 гг. показывают бурный рост Нью-Йорка. Уже в 1870 г. он был одним из самых больших городов мира с полутораmillionным населением, к 1900 г. эта цифра более чем удвоилась и достигла 3,5 млн. Уроженцы Нью-Йорка составляли меньшинство, наибольшее число иммигрантов, приехавших сюда, было из Германии и Ирландии.

Задолго до 1890 г. в Нью-Йорке было много и евреев. К концу Гражданской войны в городе было 30 синагог, а через 25 лет их число достигло 134⁹. Еврейское гетто с характерной общественной и культурной жизнью появилось на юго-востоке города. В 1890 г. оно не было еще таким большим и культурно развитым, каким оно стало через 10 или 20 лет, но уже превратилось в самый большой «еврейский город» мира. Здесь собирались и сближались евреи из Центральной и Восточной Европы, и даже из средиземноморских стран. Старые и новые обычаи, тысячи локальных особенностей, дюжины вариантов языков идиш и иврит, все собралось под давлением иммиграции и адаптации к новой жизни. «Гетто» Нью-Йорка не было похоже на гетто любого другого города мира, оно было, как и сам Нью-Йорк, в постоянном движении, многоязычно,

---

⁸ Seymour J. Mandelbaum, *Boss Tweed's New York* (New York, 1965); Rischin, *Promised City*, p.9.

⁹ Ibid, p.4. В соответствии с переписью населения 1890 г. в США в Манхэттене было 125 ортодоксальных и 9 реформистских синагог. См.: Bureau of the Census, 11th Census: Report on Statistics of Churches in the US (Washington, D.C., 1894, pp.416, 418.

разнообразно. Как и в Европе, обитателями «гетто» были евреи, но в Нью-Йорке они не были связаны своим еврейством в результате внесенных правительством ограничений или порожденными вековыми внутренними ограничениями. Структура, сплоченность, традиции европейского гетто здесь отсутствовали. Гетто напоминало сам город Нью-Йорк, с его суматохой, невмешательством в дела конкурирующих предприятий.

Очевидно, все прибывающие иммигранты воспринимали Нью-Йорк как странный, даже пугающий город. Отделенные от знакомого и традиционного, они немедленно погружались в атмосферу стремительных, калейдоскопических изменений. Для некоторых, однако, перемена была большим шоком, чем для других. Мозес Давид Крускал, безусловно, был сбит с толку тем, что увидел, но из посылаемых домой писем в первые несколько месяцев после приезда стало ясно, что он быстро привык к новому городу. Он готовился к большим изменениям, в письмах он с уверенностью писал, что понимает, что к нему присматриваются, но готов соответствовать всем требованиям. Конечно, Дерпт – не Нью-Йорк сити, но Дерпт – расширяющийся коммерческий центр, доросший до уровня, когда уже существует городская анонимность. Мозес Давид привык в бизнесе иметь дело с незнакомцами, и даже перед отъездом из Дерпта он часто ездил по делам бизнеса. Теперь ему предстояла похожая работа, и прошлый опыт, вместе с умением легко сходиться с людьми, помогли ему наладить дела в Нью-Йорке.

Для Исаака Якобсона, однако, все было не так. Выросший в Загаре, он принимал провинциальный Голдинген за крупный космополитический город. Здесь он проработал на одном и том же предприятии 20 лет, видя перед собой одни и те же лица и принимая одни и те же решения снова и снова. Его мир был почти полностью стабильным. Контраст с Нью-Йорком был огромным. Его реакцией было уйти в безопасность и интимность своей собственной семьи, где его личность была бы защищена и избавлена от борьбы за выживание в Америке. Это его сыновьям предстояло участвовать в этой борьбе.

Крускалы в Нью-Йорке, 1891-1908

Когда Мозес Давид Крускал приехал в Нью-Йорк в сентябре 1891 г., американская экономика была на подъеме. Каждая отрасль промышленности развивалась и модернизировалась, и производство текстиля и предметов одежды не было исключением. Единственной преградой могла быть нехватка капитала, но Мозес Давид и семья Яффе приехали со своими деньгами. Настал благоприятный момент для запуска нового предприятия, и их планы быстро оформились.

Благодаря связям Крускала Абрахам Давид Яффе стал работать управляющим в пансионе для иммигрантов, которым владела Объединенная еврейская благотворительная организация. Этот пансион находился на East 12-й улице около Университетской площади, где недолго проживали Мозес Давид Крускал с братом Николаем и семей их сестры Етты Яффе, когда они прибыли в Нью-Йорк. Однако, уже через 4 месяца оба – Абрахам Давид Яффе и Мозес Давид Крускал уже занимались бизнесом, и он стал приносить прибыль. Они уже стали частью конкурентного мира швейной торговли.

В январе 1892 г. Мозес Давид писал на идиш Розе, описывая свою жизнь: *Я занят весь день (до 9 или 10 часов вечера), работаю тяжело. У меня есть основания надеяться, что мое дело будет развиваться. Однако нужно иметь терпение. Доход приличный. ... Я предпочитаю вместе с Яффе начать торговлю галантереей. Прежде всего, я знаю это дело .... Галантерейный бизнес здесь развивается хорошо, они производят разнообразные товары ... Николай (Николас) и я живем в задней комнате магазина, завтрак и ужин готовим сами, пытаемся теперь организовать и обеды.*

Магазин размещался на 126 Ист Бродвее, на юге еврейского квартала. Крускал был благоразумным бизнесменом и умело распоряжался своим капиталом, считая, что «лучше начинать с малого и добиться развития дела»¹⁰. Он был уверен в успехе. И эта уверенность стала главной темой в его письмах -

«надеюсь, что все образуется лучшим образом», «уверен в успехе», «галантерейное дело несомненно будет развиваться», «бизнес растет», «процветание уже осязаемо», «мой бизнес преуспевает, и я могу обеспечить будущее». Он писал – «рабочая сила очень дешевая, а производительность труда – очень велика». Эти условия позволяли капиталистам процветать; Крускал и Яффе были мелкими капиталистами, ощущающими первый трепет от процветающей экономики, свободной от социальных и политических ограничений. Через несколько первых месяцев он и Яффе сами вели бизнес, а Николас смог занять «очень хорошее» место фармацевта¹¹.

Мозес Давид Крускал так много работал, что у него не было времени скучать по дому. Он был занят с утра до вечера, с понедельника до субботы. Он принял американский обычай и сделал воскресенье выходным днем. В будни он вечерами, как правило, из дома не выходил, кроме редких коротких встреч с кем-то из родственников или друзей из Дерпта. Он скучал по Розе и детям и с все возрастающим нетерпением ожидал их приезда. Когда Розины письма не приходили в срок, он волновался; когда дети долго не писали отцу – он тут же спрашивал, в чем дело. Он всегда хотел знать «обо всем», что происходило в

---

¹⁰ Мозес Давид Крускал – Розе Яффе Крускал. Нью-Йорк, 13 января 1892. Эти, а также письма, приведенные ниже, написаны на идиш, и владеет ими проф. Вильям Х. Крускал. Университет г. Чикаго.

¹¹ Мозес Давид Крускал – Розе Яффе Крускал и Хинде Крускал. Нью-Йорк, январь и февраль 1892.

доме. Он трепетно хранил присылаемые ему фотографии. Днем он концентрировался на бизнесе, но как только отвлекался – вспоминал и мечтал только о семье и домашнем счастье¹².

У Розы тоже было развитое воображение, и она была озабочена. Она боялась неизведанного, а случайные тревожные письма, прибывающие в Дорпат от кого-то другого, давали повод для беспокойных слухов. Эти письма просто «рисовали картину в темных красках», и Мозес Давид просил ее не обращать на них внимания. «Все в Америке прекрасно. У меня хороший бизнес и, поверь мне, он будет процветать». Забота и разуверения присутствовали во всех его письмах, как и его любовь и желание быть вместе. Он с уверенностью писал о своих мечтах – «Я хочу, чтобы мы были здесь вместе именно сейчас – это большая надежда в моей жизни. Построим прекрасный дом, будем жить в комфорте»¹³.

В конце зимы его мечта казалась близкой к исполнению. После Пасхи, в мае он планировал их переезд на новую родину. В день рождения Розы он писал ей, что в этот же день в Америке отмечается праздник – «День рождения Вашингтона», он вложил доллар в письмо в качестве подарка и выразил «надежду, что в следующем году отпразднуем твой день рождения вместе».¹⁴ Но внезапно его мечты полетели прахом. В марте, за два месяца до намеченного воссоединения, Мозес Давид вместе с 10-летним сыном Етте Исааком Яффе заразились тифом. Оба были помещены в госпиталь для заразных больных на острове Бразер, находящемся на реке Ист, и 14 марта 1892 г. Мозес Давид Крускал умер.¹⁵ По словам человека, который был с ним знаком, это был «самым приятный из всех мужчин Крускалов», обладавший всеми хорошими качествами, которые унаследовали его сыновья, «но ни одним из их недостатков».¹⁶ Роза, чья дочь Дебора недавно умерла от дифтерии, стала в 30 лет вдовой, а ее 5 сыновей остались без отца.

Но поворота назад не было. Связи с Дерптом были уже разорваны, и у семьи не оставалось здесь средств к существованию. Роза с детьми и свекровью Хинде Крускал уже отправилась в путь в Америку, новую страну Мозеса Давида, где, к счастью, Николас и семья Яффе уже устроились и жили безбедно. Только когда они прибыли в Нью-Йорк летом 1892 г., Роза узнала, что ее муж умер, и ее

---

¹² Ibid.

¹³ Мозес Давид Крускал _ Розе Яффе Крускал. 5 февраля 1892.

¹⁴ Мозес Давид Крускал – Рофе Яффе Крускал. 22 февр. 1892.

¹⁵ МЖК. Письма и воспоминания. Информация предоставлена Исааком Яффе.

¹⁶ Ibid. МЖК высказывает мнение ее старшего брата Джона Якобсона.

мальчики: 12-летний Исаак, 11-летний Аарон Герман, 9-летний Вильям, 7-летний Джозеф и 4-х летний Евгений лишились отца.¹⁷

Их выживание зависело от семьи. Без нее приезд двух женщин с пятью детьми без кормильца в 1892 г. был бы ужасом. В следующем году в Америке началась глубочайшая депрессия, длившаяся до 1897 г. Публичных социальных организаций фактически не было, а частных было мало, и они плохо финансировались. Без помощи Николаса Крускала и семьи Яффе, семья Розы распалась бы. Если бы им посчастливилось, женщины устроились бы работать в швейные мастерские, а мальчики росли бы на улице. Вместо этого деньги, накопленные умершим Мозесом Давидом, были истрачены на покупку аптеки, в которой работал Николас, а на доход от нее он содержал семью брата. Аптека и хорошее здоровье Николаса дали ту 10-летнюю передышку, к концу которой Исаак, Герман и Джозеф Крускалы были уже самостоятельны.

Розины мальчики выросли в беспокойной обстановке. Бабушка Хинде жила с дядей Николасом при аптеке, а семья Розы – в отдельной квартире. Хотя дядя Николас всеми силами старался заменить племянникам отца, без мужчины в доме не было дисциплины. Хоть Роза и была требовательной, она часто баловала сыновей. Они были всем, что она имела после внезапной потери мужа, и теперь все ее мечты и ожидания были связаны с мальчиками. И обычно они не подводили ее, хотя каждый из них платил личную цену, и соперничество братьев зачастую было очень интенсивным.

Все они сразу же поступили в государственные школы, где быстро выучили язык и обычаи своего еврейско-американского окружения. Старший сын Исаак и Вильям – третий сын – оба окончили среднюю школу и стали работать в семейной аптеке для того, чтобы стать фармацевтами. Но Исаак вскоре после 1900 г. открыл собственную аптеку в северной части города на 57 улице. Когда в 1905 г. он поступил в Белльвьюский медицинский колледж, он отказался от аптеки, чтобы полностью посвятить себя медицине. Он стал практикантом в 1907 г., так что через 15 лет после смерти отца и прибытия в Америку, он с успехом вошел в ряды высоко ценимой профессии – медицины, в которой он практиковал в течение 45 лет до своей смерти.

Аарон Герман Крускал, второй сын, оставил школу в 1896 г. в 15-летнем возрасте, чтобы начать работать. Он учился в публичной школе №2, и в 1896 г. получил медаль за хорошее поведение. И хотя он хотел учиться дальше и стать юристом – нужны были деньги.¹⁸ Этой же осенью он устроился на работу на

---

¹⁷ Это семейный рассказ о тех событиях и он совпадает с сохранившимися данными. Смотри письмо Вильяма Х.Крускала автору, 28 ноября 1970.

¹⁸ Медалью теперь владеет автор. Причины этого решения изложены МЖК. Письма и воспоминания.

полный рабочий день. Время игр теперь закончилось, не было больше беготни босиком летом, сбора черники, наслаждения природой на ферме в Честерфилде (Коннектикут), не повторится и дача на озере Пейпус. Имеющий медаль за хорошее поведение, А.Герман Крускал стал рабочим за 2.50 долларов в неделю.

Герман работал на фабрике по производству женских пальто и костюмов, принадлежавшей А.Беллеру и компании. Это от г. Беллера он научился манерам благородного бизнесмена. Фабрикант любил Германа, который был честным, здравомыслящим человеком, хорошим и инициативным работником. Вскоре Беллер назначил Германа своим помощником. В 1905 г. перед уходом от Беллера, чтобы начать в 25 лет свой собственный бизнес, он уже прекрасно зарабатывал – 80 долларов в неделю, в то время как средняя зарплата рабочего в Америке составляла 12 долларов в неделю.¹⁹ Во многом благодаря хорошей зарплате Германа, семья смогла переехать на 340 East 18th Street, и Роза смогла съездить г. в Европу в 1906 г. Пока еще никто из ее сыновей не был женат. Исаак был поглощен изучением медицины, а Евгений еще учился в средней школе. Остальные братья – Герман, Вилли и Джо – помогали содержать дом и семью. Джо уже «был в дороге» большую часть времени, продавая товары.

Быстрое продвижение Германа в бизнесе и переезд в новую квартиру на East 18th Street имели важные последствия, так как свели Крускалов с Якобсонами. Они знали друг о друге много лет, обе семьи и раньше были близки, но в 1904 г. они переехали в один и тот же дом.²⁰ Через два года Герман Крускал был обручен с Мириам, младшей дочерью Якобсонов и в 1908 г. они поженились.

.....

Структура семей, 1900 – 1930

Самая замечательная особенность семей Якобсонов и Крускалов, в первом поколении эмигрировавших в Америку – их продолжающаяся приверженность к буржуазным ценностям и стилю жизни. В этом, по крайней мере, они сохранили ценности первых иммигрантов и даже своих европейских предков. Надежная, комфортабельная семейная жизнь в безопасных, удобных домах, образование

---

¹⁹ МЖК. Письма и воспоминания, сообщен заработок АНК. Сравнительную статистику см.: *Historical statistics of the US to 1957* (Washington, D.C., 1960), p.91.

²⁰ Прямая связь между двумя семьями была между Хинде Крускал и Паулиной Мандельштам; они были двоюродными сестрами. Мать Хинде, Рошель Берман, была старшей сестрой матери Паулины – Сары Берман Мандельштам.

и солидность - это были общие знаменатели. В этом смысле они были микроскопическим примером многих разновидностей мотивов, побуждавших сотни тысяч семей в Европе и Америке к определенному образу жизни.

Необычными были не их цели, а степень удачи, которой они достигли в осуществлении своих целей. Конечно, они имели преимущество как иммигранты среднего класса, которые были в меру образованы и не бедны, но их достижения были существенны. Накопленный капитал в сотни тысяч долларов позволил им всем дать детям больше, чем средний уровень образования. До Второй мировой войны высшее образование все еще было роскошью, которую мог себе позволить сравнительно небольшой процент населения – не более 10% еще в 1940 г. Тот факт, что около половины детей, рожденных в их семьях первого поколения закончили колледж с 4-х летним обучением – важный показатель успеха этих семей в их укоренении в Америке. Если рассматривать только семью Крускалов, то картина еще более поразительна, т.к. из 8 человек – 7 закончили колледж, и из этих семи – пятеро достигли высших степеней.²¹ И стиль жизни обеих семей соответствовал высоким стандартам, характерным для верхушки среднего класса – туры в Европу, летние дома, клубы, домашние слуги. Более того, чувствовался ощутимый сдвиг от коммерции и производства к академическим профессиям, что, правда, привело к двойственным последствиям, т.к. прежний стиль приносил большую финансовую прибыль, в то время как престиж последних был более высоким. Но в любом случае они никогда не прорвались в высшие эшелоны американского общества, где богатство и сила продолжают дольше, чем одно поколение. Хотя уровень их образования и доходов рос вместе с ростом уровня потребления, часть этого роста обусловлена общим подъемом и пропорциональна уровню с которого они начали. Для некоторых из них рост уровня доходов был исключительным, но для всей группы в целом он был умеренным.

Одним аспектом буржуазного склада мышления, характерным для поколения детей иммигрантов в Америке, было глубокое их вовлечение в семейные дела. В обеих семьях проявлялся большой интерес к профессии, семье и досугу каждого, что приводило к еще более тесным связям между семьями. Связь с Европой растаяла быстро. После смерти Лоеба Якобсона в 1896 г. связь Исаака с Европой прервалась. У Паулины Мандельштам Якобсон было 3 брата в России – врачи Давид и Леопольд Мандельштамы, но оба они умерли в 90-х гг.: Леонид от туберкулеза, а Давид, служивший в русской армии на Кавказе, был убит на дуэли. Только третий брат – Мориц Мандельштам выжил, но после Октябрьской революции 1917 г. поддерживать с ним связь было почти невозможно, даже если бы и было такое желание. Крускалы

---

²¹ Из семи учившихся в колледже, по меньшей мере четверо были выбраны для Phi Beta Kappa, а несколько человек закончили учебу с латинскими фразами в ученой степени.

принимали для этого значительные усилия, особенно в период между Первой мировой войной и Депрессией. Николас Крускал, теперь руководивший фармакологической лабораторией, организовал фонд Крускалов, куда он сам и его племянники из семей Крускалов и Яффе вносили ежемесячно по 10 долларов; эти деньги использовались на помощь больным и нуждающимся членам их семей на Континенте, от Парижа до Ленинграда. Фонд этот активно работал в 1920-1930 гг., но Депрессия привела к его сокращению, а переезд Николаса Крускала в Тель-Авив в 1928 г., где он умер, лишил фонд основателя и главной движущей силы²². В основном, и родители в обеих семьях, и их дети в следующем поколении мало интересовались поддержкой прошлых связей, и этот интерес уменьшался с каждым годом. Сегодня и завтра были им куда важнее, чем вчера и позавчера.

Буржуазная жизнь, направленная на решение сегодняшних личных забот отвлекала обе семьи от участия в общественной жизни, и это не зависело от места их жительства – в Нью-Йорке ли, в Балтиморе или Нью Джерси. Как большинство американцев среднего класса, они участвовали в выборах и обсуждали политику дома. Все они восторгались сначала Теодором Рузвельтом, а затем Вудро Вильсоном, но этим и ограничивались. Личные дела поглощали их энергию и внимание, что было характерно для большинства американцев.

Если Якобсоны и Крускалы и обращали внимание на политические события, то всегда издали, без их вовлечения и активного участия. Они делали благотворительные пожертвования, давали деньги на еврейскую благотворительность, особенно много после 1910 г. и позже, но эта помощь предназначалась бедным и больным, а не для решения политических вопросов.²³ Политика и общественные услуги не входили в сферу их деятельности. Только в третьем и четвертом поколениях названных семей заметным стало их участие в общественной жизни, что можно связать с общим пробуждением американской молодежи в 1960-х гг.

---

²² Фонд Крускалов существовал, возможно, и после 1940 г. В письме к автору Вильям Крускал сообщает 28 ноября 1970 г.: «Я не совсем уверен, но мой дядя Евгений, кажется, основал Фонд Крускалов, который я вместе с братьями продолжаю, и он активно действует». Между 1900 и 1920 гг. семейными связями занимался Николас Крускал. Рева С.Олч сообщает, что ее мать (Гейл Гертруда Крускал Зуссман) часто бывала у Николаса в Нью-Йорке, а также ездила к Джо в его «меховую империю». Он называл нас «моя мешпоха». Семья также обращалась к д-ру Исааку Крускалу для проверки зрения. Когда Николас уехал в Тель-Авив, эти связи оборвались. Миссис Олч сообщает: «Я действительно считаю, что мой двоюродный брат Ники связывал нас всех» (письмо к автору 18 марта 1971 г.). Недавно Вильям Крускал проявил интерес к сохранению семейных связей и начал переписываться с дочерью Николаса Викторией Юдин, живущей в Тель-Авиве.

²³ Со слов МJK семья была против религиозных школ, включая и еврейские. Надо заметить, однако, что фармацевт Николас Крускал, приехавший в конце 1920-х гг. в Тель-Авив, завещал свой дом, после смерти дочери Виктории Юдин, Тель-Авивскому университету.

Другие связи с общественными учреждениями были также незначительны. Среди 8 сыновей Исаака Якобсона и Мозеса Давида Крускала только двое ходили в реформистские синагоги, Джон Якобсон в Бруклине и Джозеф Крускал в Нью Рошеле. Давид Якобсон и его жена стали членами Этического культурного общества, как и Герман и Мириам Якобсон Крускал; последняя участвовала как молодая матрона в работе Ассоциации изучения детей. Но эти связи были почти без исключения частичными и временными и не передавались детям. Во многом ассимилированные, ни Якобсоны, ни Крускалы не стали членами общественных организаций и не участвовали в них.

Между 1920 и 1930 гг. старое поколение умерло. Полина Мандельштам Якобсон скончалась в 1922 г. в возрасте 72 лет, а в 1924 г. умерла 62-летняя Роза Крускал. Она была активной до конца, и, получив новый паспорт для очередного европейского тура, не успела им воспользоваться. Исаак Якобсон жил до 1930 г.; надо сказать, что ему было легче жить в старости, чем в молодые годы. Теперь его отказ говорить по-английски и нежелание соревноваться с миром ничего не значили. Он мог говорить о политике и философствовать со своими племянницами и племянниками, Джон пристроил его работать бухгалтером в своем магазине, он ходил туда по утрам несколько раз в неделю. Паулина и он всегда жили недалеко от Мириам, которая после смерти Паулины ухаживала за Исааком. Он благоволил к своим внукам, и на них он перенес свою прежнюю привязанность к своим тогда маленьким детям. Когда в 1926 г. его здоровье ухудшилось, в семье посчитали, что ему надо поехать в Балтимор к Кларе Якобсон Пирош, чтобы ее муж, доктор Пирош, оказывал ему необходимую помощь. Там в возрасте 82 лет он тихо скончался, не испытывая больше страха прежних лет.²⁴ После его смерти в 1930 г. прервалась последняя связь с многовековой жизнью. Он был последним из тех, кто вырос в Загаре в черте оседлости, и получил образование в ешиве гетто.

Ретроспектива: Значение семейного опыта, 1870-1970

Когда Мозес Давид Крускал и Исаак Якобсон покинули Балтийскую землю и Российскую империю, они в первую очередь действовали в интересах своих детей. Оба они были среднего возраста и хотели защитить детей от риска, с которым сталкивались евреи в России, и обеспечить их большими возможностями. Они не могли предвидеть далекого будущего, они видели только настоящие перспективы в империи Романовых – репрессии, ухудшение статуса евреев, ущемление их свобод. Если бы они могли предсказать советскую революцию и две мировые войны, их решение было бы прежним. В 1890 и 1891

---

²⁴ Мнение, основанное на воспоминаниях МЖК и на последнем к ней письме Исаака Якобсона (на немецком языке) за день до его смерти (письмо находится во владении автора).

гг. они были умнее, чем думали. Из всех возможных стран, которые они могли бы выбрать, Соединенные Штаты больше всего соответствовали их стремлениям. Они не были сионистами или «политиканами», каждый из них хотел только блага для своей семьи.

Их ожидания были во многом реализованы в течение жизни одного поколения. Их потомство получило лучший материальный статус, большую свободу личности, более широкие возможности индивидуального развития, чем их сверстники в России. Цели отцов были достигнуты сверх их ожиданий. Но те же самые элементы американской жизни и разрушали хрупкий баланс, позволявший обеспечить связь и сплоченность семьи. Уже во второй половине XIX в. семья как ячейка общества столкнулась с серьезными трудностями, но для Якобсонов и Крускалов, Мандельштамов и Яффе она все еще оставалась единым организмом, обеспечивающим на всю жизнь психологическую, социальную и экономическую безопасность. В Америке семья постепенно утрачивала большинство своих функций. В ранние годы, если члены семьи испытывали личный кризис или нуждались в помощи в делах, они обращались к родственникам.²⁵ Но со временем появилась возможность обращаться за помощью к друзьям, в банки, страховые компании, социальные агентства, так что в этом смысле расширенная семья превращалась в пустую шелуху, теряла одну из своих функций. Семья перестала быть источником содержания и принуждения. Даже сохранившиеся сплоченные, проживающие вместе семьи потеряли многие свои функции. Вместо семьи правила для детей устанавливали группы однолеток, и авторитет родителей потерял вес и значимость. Эти семьи выжили, но как бы скорее как инкубаторы для индивидуального развития, чем для передачи семейных норм. Родительские традиции можно считать выжившими только из-за их индивидуализма и процесса ассимиляции, но и это вызывает сомнение. Между 1870 и 1910 гг. браки заключались между людьми как-то связанными с семьей, а роль родителей была активной. Сегодня родители практически не участвуют в выборе партнеров, они только наблюдают, и самое существенное решение для идентичности и продолжения семьи стало сугубо индивидуальным.

Традиционные семьи пытались уберечься от распространяющегося индивидуализма, главенства индивидуальных ценностей и выбора. Мозес Давид Крускал и Исаак Якобсон, сами живя под влиянием индивидуальных норм, не предчувствовали их превращения в фактически необузданную силу. Последствия индивидуализма, вызывающие, вознаграждающие и опасные,

---

²⁵ В разговоре, состоявшемся 25 июля 1970 г. между автором, МJK и Исааком Яффе подчеркивалась тема зависимости между членами семей вместе с пониманием того, что она может привести к непониманию, нарушенным обещаниям, соперничеству и вражде. Неудивительно, таким образом, что люди часто предпочитали избегать внутрисемейных разборок, т.к. их эмоциональная цена была часто слишком высокой.

будут в следующем веке доминировать в этих семьях. По иронии судьбы, необузданный индивидуализм и раскол породил в них определенный интерес к истории семьи. Желание узнать свои «корни» и сохранить связь с ними – это реакция на индивидуалистическую, общественно фрагментарную обстановку в современной Америке. Но такая история семьи также является анахронизмом. Это памятник институту семьи, когда-то распространенному среди наших бабушек и дедушек, но умершему с нами.

P.P.S. Вообще-то я планировал сам рассказать историю «клана Крускалов», но, после знакомства с превосходной статьей Ричарда Д. Брауна, понял, что мне нечего добавить, в статье все сказано. Конечно, после 1972 г., когда вышла статья, родилось много новых Крускалов, а некоторые ушли из жизни – жизнь ведь продолжается.

Я очень рекомендую прочесть полный текст статьи Р. Д. Брауна здесь:
http://americanjewisharchives.org/publications/journal/1972_24_01_00_brown.pdf

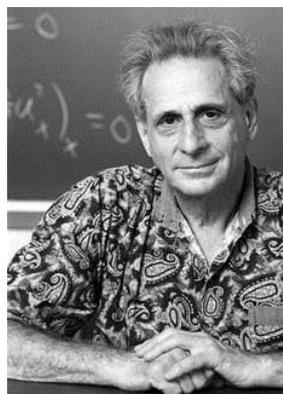
Вы получите широкую картину не только жизни двух семей из Прибалтики, но и общую картину жизни первых евреев в Америке.

Семья Крускал рассеялась по многим странам: Эстонии, США, Южной Африке, Израилю, России. Они были раввинами, бизнесменами, врачами и... математиками. *«Интерес и привязанность к математике в семье Крускал, безусловно, связаны с генетической компонентой. Хотя ни брат мой, ни я не стали по профессии математиками, мы показали свою способность к математике еще в средней школе»*, - писал мне Ричард Д. Браун.

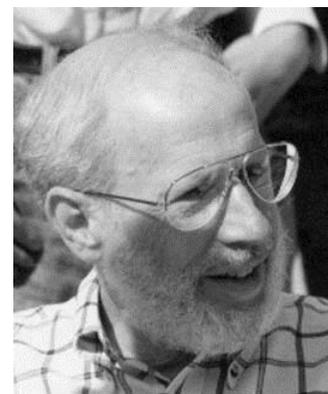
Здесь перечислены только некоторые из математиков семьи Крускал (Крушкал):

William Kruskal
(1919—2005)
American mathematician
and statistician

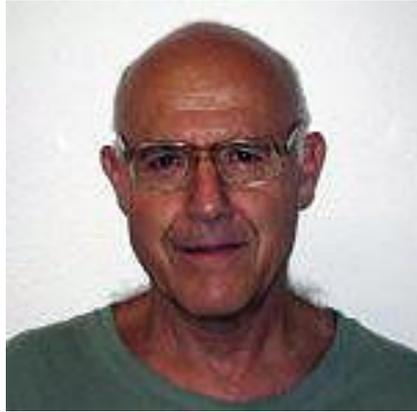
Martin David Kruskal
(1925—2006)
American mathematician and
physicist

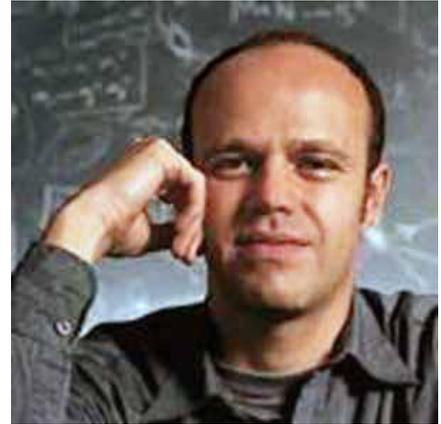
Joseph Kruskal
(1928—2010)
American mathematician and
computer scientist

Clyde Kruskal
(born 1954)
American computer scientist

Samuel Krushkal
(born 1938)
Israeli mathematician

Slava (Vyacheslav) Krushkal
American mathematician

Марк Рыбак